

«Теория отталкиваний» И.Н. Розанова и вопрос о канонизации классиков

Попов Владимир Николаевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

«Теория отталкиваний» И.Н. Розанова изучена мало и поверхностно. «Подросли новые поколения <...> преподавателей, ученых, которые знают об И.Н. Розанове понаслышке» [Озеров: 7].

«В стране поэзии есть магистраль и есть проселочные дороги, – писал ученый. – Те, кто идут по магистрали, хотя бы были второстепенны по таланту, например, Полежаев или Надсон, легче приковывают внимание современников. По проселкам бредут одинокие мечтатели. Бредущие по проселкам могут найти горячее признание у какого-нибудь из грядущих поколений (так было, например, с Тютчевым), а чаще бредущие по проселкам никуда не пробиваются, вязнут где-нибудь в трясинах обширного государства поэзии и исчезают в туманах безвестности. <...> Говорить о закономерности движения можно пока только по отношению к магистрали. Здесь легче устанавливать периоды и литературные сдвиги» [Розанов: 19–20].

По мнению Розанова, «магистральная» позиция «прежних вождей» остается незыблемой – и наоборот, вновь выявленным талантам (даже таким, как Тютчев) не суждено занять место на «господствующих высотах». Таким образом, только «магистральные» имена и составляют собственно историю литературы. Но на деле магистральные имена нередко скатываются в безвестность, когда терпят поражение на литературных ристалищах: такова была участь «архаистов» в начале XIX в. Примеры возрождения литературного явления – находка «Слова о полку Игореве» или современное открытие «Серебряного века» и эмигрантской поэзии.

История русской поэзии представляется Розанову в виде ряда отталкивающих друг от друга направлений: «Представителями ярко выраженных эпох, довлеющих себе, являются Ломоносов, Державин, Пушкин, Некрасов, Брюсов и Маяковский. Не всегда это были бесспорно самые лучшие поэты своего времени, но всегда самые типичные для времени» [Там же: 21]. Дети отталкивались от отцов и тем самым становились «в каком-то отношении ближе к дедам, чем к отцам <...>. На этом основан ритм поэтических эпох. Берем в хронологическом порядке шесть вышеозначенных поэтов: 1) Ломоносов, 2) Державин, 3) Пушкин, 4) Некрасов, 5) Брюсов, 6) Маяковский. Все нечетные имена должны иметь между собою кое-что общее, а четные между собой. Получаются две группы: первая – Ломоносов, Пушкин, Брюсов, вторая – Державин, Некрасов, Маяковский» [Там же: 22–23]. Далее Розанов показывает, что обе группы противопоставляются по ряду признаков: «Первая группа – чистые художники, вторая – проповедники и агитаторы. <...> Первая группа характеризуется серьезностью тона, напряжением лиризма, отсутствием тяги к юмору и сатире. <...> Сатира, общественная и негодующая, юмор и балагурство входят как основной и существенный элемент в творчество поэтов второй группы» [Там же: 23, 24, 25]. Даже фонетика и строение рифм у поэтов двух групп различны.

Розанов указывает на поэтические расхождения обеих групп, но их поэтика – дело второе: главное, что все эти поэты были лидерами литературной борьбы. С этой схемой можно согласиться, если мы примем допущение, что текущая «литературная борьба» является единственным механизмом, который приводит к литературным сдвигам. В самом деле, «отталкивание» и «борьба» – это неперенные атрибуты литературного процесса. Розанов справедливо негодует, что при дискредитации «прежних вождей <...> от сознания несовременности их совершенно незаконно делают скачок к отрицанию или умалению их дарований» [Там же: 18]. Но если литературный жест совершился в стороне от текущих литературных споров – значит, он уже не вполне литературен?

Для литературной игры нет прошлого: Еврипид и Шекспир так же актуальны, как друзья из цеха писателей. Следственно, любой литературный жест может получить любое – даже первостепенное – значение, независимо от того, был ли он замечен современниками.

Проведенная Розановым линия отталкиваний есть усредненный вектор русской поэзии – вектор, который в большей степени был результатом случайностей общественного развития, чем стечением творческих волей участников литературной игры. «Немалое значение имеет и поощрение писателей официальными властями, влиятельными общественными кругами, средствами массовой информации» [Хализев: 138]. История русской литературы политически акцентирована; литературная борьба задолго до марксистов считалась частью политической истории: в стихах Некрасова увлекались не поэзией, но политическими идеями.

Между тем общество – лишь один из игроков на литературном поле. У каждого автора своя система отталкиваний и притяжений, и чем более он искусен на литературном поле, тем далее линия его собственных отталкиваний отстоит от усредненной.

По мнению В.Е. Хализева, «нет оснований измерять достоинство произведений и писателей их успехом у публики, их читаемостью, известностью» [Там же]. Каков же верный критерий оценки? «Главным единственно надежным (пусть не всегда быстро действующим) фактором успеха у публики, длительного и прочного, является сполна реализовавший себя писательский талант, масштаб личности автора, самобытность и оригинальность его произведений» [Там же]. Но можно ли объективно измерить силу таланта или самобытность произведений? На розановские конкретные вопросы Хализев дает слишком общий ответ.

Двойственность розановской теории в том, что он канонизирует ряд поэтов и при этом жалуется, что «у нас обычно любят канонизировать имена, а не произведения» [Розанов: 103]. Это противоречие сгладится, если взглянуть на розановский ряд имен как на *частную канонизацию* конкретного ученого: иными словами, всякая литературная иерархия (напр., «магистраль» и «проселки»), существует только в воображении отдельного литературного игрока.

Литература

Озеров Л.А. Об Иване Розанове // Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990. С. 3–14.

Розанов И.Н. Литературные репутации: Работы разных лет. М., 1990.

Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.